
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

SOCIAL PHILOSOPHY

УДК 101.3:001.18

БУДУЩЕЕ КАК ПРОБЛЕМА ДУХОВНОГО ОПЫТА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Ч. С. КИРВЕЛЬ¹⁾, И. В. БУСЬКО²⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

²⁾Гродненский государственный аграрный университет, ул. Терешковой, 28, 230008, г. Гродно, Беларусь

Исследуется разработка проблемы будущего в современной философии. Раскрываются особенности социальной и экзистенциальной потребности в осмыслении будущего. Систематизируются методы исследования будущего, выявляются особенности прогнозирования как основного типа научного предвидения. На основе анализа специфики социального предвидения раскрывается статистически вероятностный характер исторической закономерности. Обосновывается необходимость анализа духовного состояния общества, глубинных мировоззренческих ориентиров и ценностных предпочтений при разработке социальных прогнозов. Показывается роль образов будущего в процессах проявления субъективного фактора истории.

Ключевые слова: прогнозирование; футурология; социальное предвидение; метод сценариев будущего; образ будущего; самоорганизующийся прогноз; субъективный фактор истории.

Образец цитирования:

Кирвель ЧС, Бусько ИВ. Будущее как проблема духовного опыта человечества. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2019;2: 23–31.

For citation:

Kirvel ChS, Busko IV. The future as the problem of spiritual experience of mankind. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019;2:23–31. Russian.

Авторы:

Чеслав Станиславович Кирвель – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии педагогического факультета.

Инна Владимировна Бусько – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры общественных наук факультета бухгалтерского учета.

Authors:

Cheslaw S. Kirvel, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of philosophy, faculty of pedagogy.

kaf_filosof@grsu.by

Inna V. Busko, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of social science, faculty of accounting.

ibusko@mail.ru

THE FUTURE AS THE PROBLEM OF SPIRITUAL EXPERIENCE OF MANKIND

Ch. S. KIRVEL^a, I. V. BUSKO^b

^aYanka Kupala State University of Grodno, 22 Ažėška Street, Hrodna 230023, Belarus

^bGrodno State Agrarian University, 28 Cieraškova Street, Hrodna 230008, Belarus

Corresponding author: Ch. S. Kirvel (kaf_filosof@grsu.by)

The development of the problem of the future in modern philosophy is investigated. The features of social and existential need of understanding of the future are revealed. Methods of future research are systematized, features of forecasting as the main type of scientific foresight are revealed. The statistical probabilistic character of historical regularity is revealed based on the analysis of specificity of social foresight. The necessity of the analysis of the spiritual state of society, deep ideological orientations and value preferences in the development of social forecasts is substantiated. The role of images of the future in the processes of manifestation of the subjective factor of history is shown.

Keywords: forecasting; futurology; social prediction; method of scenarios for the future; the vision of the future; self-organizing forecast; the subjective factor of history.

Человеку как существу мыслящему и переживающему свое бытие свойственно стремление к предвосхищению будущего. Неудивительно, что проблема будущего стала одной из вечных в человеческой культуре.

Реалии современного мира выявили целый ряд новых причин и обстоятельств, чрезвычайно актуализирующих исследование будущего состояния человеческого бытия. Во-первых, это невиданное ранее ускорение темпов развития общества. Во-вторых, никогда прежде человечество не имело в своем распоряжении средств, используя которые оно могло бы столь разнообразно и глубоко влиять на трансформации природного, социального и собственно человеческого бытия вплоть до возможности уничтожить свою колыбель – биосферу и самое себя. В-третьих, только в последнее время человечество овладело более совершенными теоретическими подходами и методами, которые позволяют формировать модели вероятного будущего с большей обоснованностью, нежели когда-то.

Действительно, в наше время как никогда раскрутилось колесо истории, ускорились ритмы общественного развития. Швейцарский инженер и философ Г. Эйхельберг в книге «Человек и техника» сумел создать впечатляющую картину возрастания темпов поступательного хода истории, предложив представить развитие человечества в виде бега на дистанцию 60 км, условно приравняв каждые 10 тыс. лет его истории к 1 км. Большая часть этой дистанции окажется за пределами цивилизации. Лишь на 58-м километре появятся первые орудия труда и пещерные рисунки (зачатки культуры). Лишь на 60-м километре обнаружим признаки земледелия, а за 200 м до финиша – римскую дорогу, покрытую каменными плитами. Последние 10 м начинаются при скудном освещении керосиновых ламп, а на финишном броске, на самых последних метрах, произойдет ошеломляющее чудо: электрический свет заливают города, мчатся автомобили, в небо взмывают реактивные лайнеры, и поражен-

ного бегуна ослепляют вспышки «блицев» и «юпитеров» фото- и телекорреспондентов.

Были предложены и другие варианты измерения ускоряющегося бега истории. Так, американский футуролог Э. Тоффлер в своей книге «Столкновение с будущим» предложил измерить 50 тыс. лет человеческой истории числом поколений, сменявших друг друга, приравняв каждое из них к 62 годам средней продолжительности жизни человека в XX в. И в этой иллюстрации Тоффлера умещается 800 поколений, а подавляющая масса всех материальных продуктов, которыми мы сегодня пользуемся в повседневной жизни, впервые появилась на протяжении последнего, 800-го поколения. Именно это поколение, по мнению американского ученого, демонстрирует резкий разрыв со всем предшествующим опытом человечества.

Тоффлер подчеркивал, что к началу XXI в. миллионы обычных, психически вполне нормальных людей придут к резкому столкновению с будущим. Многие и многие жители самых богатых и технически развитых стран мира обнаружат, что характерный для нашей эпохи нескончаемый поток перемен предъявляет к ним все более высокие требования, поэтому им мучительно трудно угнаться за своим временем. Будущее наступает для них слишком быстро. Шквал перемен, с точки зрения Тоффлера, не только не стихает, но, похоже, и набирает силу. По высокоразвитым индустриальным странам с небывалой дотоле скоростью прокатываются мощные валы перемен, вызывая к жизни диковинную социальную флору, начиная с экзотических церквей и «свободных университетов» и заканчивая научными городками в Арктике и клубами по обмену женами в Калифорнии [1, с. 21].

Многое из того, что ошарашивает нас своей кажущейся непостижимостью, станет куда яснее, если вдуматься в смысл бешеного темпа перемен, превращающего действительность в некое подобие взбесившегося калейдоскопа. Мало того, что ускорение темпа перемен преобразует целые отрасли

промышленности или страны, – оно являет собой конкретную силу, которая вторгается в нашу личную жизнь, проникая в сокровенные ее глубины, заставляя нас играть новые роли, угрожает сделать нас жертвами некоей новой опасной психологической болезни, серьезно нарушает душевное равновесие человека. Эту новую болезнь можно было бы назвать «шоком от столкновения с будущим». Знание ее причин и симптомов поможет осмыслить многое из того, что не поддается никакому другому разумному объяснению. Шок будущего – это вызывающая головокружение дезориентация как следствие преждевременного прихода будущего. Он вполне может оказаться самой серьезной болезнью завтрашнего дня [1, с. 23].

Люди в этой ситуации все чаще и чаще стали задавать себе вопросы: к каким социальным последствиям приведут совершающиеся на их глазах процессы? куда идет человечество? почему колоссальные силы, созданные и приведенные в движение людьми, нередко оборачиваются против самих же людей? Отсюда «бум прогнозов», бесконечные попытки осмыслить перспективы развития общества – различные сценарии, модели, проекты будущего.

Наряду с социальной обусловленностью существует и *экзистенциальная потребность* в осмыслении будущего, которая проистекает из извечного стремления людей открыть иной, более совершенный мир, обеспечить светлое будущее не только для себя, но и для последующих поколений. Устремленность в будущее, попытки духовно или практически его освоить придают жизни особый человеческий смысл. В сущности, смысл жизни – это наиболее общее, идеализированное представление о желаемом будущем, спроецированное в настоящее и выступающее мощным стимулом индивидуальных поступков и массовых социальных действий людей.

В поисках смысла жизни и своего счастья человек нередко мечтал, стремясь снять наиболее значимые противоречия жизни, о будущей социальной гармонии и справедливости, достатке и благоденствии, т. е. о всем том, чего так не хватало ему в реальной жизни. При этом желаемое будущее представлялось человеку чаще всего в облике надежды.

В контексте темы будущего категория надежды является важнейшей. Поэтому остановимся на кратком анализе ее значения для восприятия будущего и выработки отношения к нему. Надежда – это ожидание чего-либо желаемого, соединенное с уверенностью в возможности его осуществления. Без надежды жить почти невозможно. Мы не боимся прошлого, поскольку оно уже миновало, и часто хвалим его, хотя не исключено, что оно было плохим. «Или настоящее нас тревожит, или будущее», – так писал Сенека, сбрасывая прошлое со счетов счастья. А настоящее? Ведь оно лишь мгновение,

а мгновения, даже самые горькие, можно пережить. Лишь бы знать, что будет лучше. Так считают многие люди. Сознательно или нет, но они связывают свое счастье исключительно с будущим, измеряют его тем, чего еще нет и, может, никогда не будет. Но они уже переживают это будущее заранее, видят его хорошим или плохим, воспринимают его как хорошее или плохое. Конечно, не на всех людей это распространяется одинаково. Вероятно, обостренность восприятия будущего зависит и от характера человека: одни живут минутой или живут прошлым, ретроспективно, а другие живут будущим, проспективно. Их счастье определяет надежда на будущее, хотя бы и обманчивая, а несчастье – неверие в него, хотя бы и обоснованное. Польский философ В. Татаркевич отмечает, что будущее всей своей тяжестью давит на наше сознание. Ожидание зла и добра значит для счастья больше, чем воспоминание о них и даже их переживание. «Перспектива на будущее важнее прошлого и настоящего. Обладание означает меньше, чем надежда» [2, с. 137–138]. Высокие темпы социальных изменений, практическое отсутствие возможности у человека и общества обстоятельно и неспешно осмыслить ход и направленность исторического развития порождают у целого ряда субъектов попытки с помощью особых образов будущего направить исторический процесс или некоторые его тенденции в выгодное для них русло.

Гносеологической основой предвидения является целесообразная деятельность людей, носящая сознательно-волевым и проективным характер. Человеческая активность с необходимостью предполагает мысленное продолжение действий, согласование целей и средств их достижения, ожидание как непосредственных результатов, так и более отдаленных последствий своих усилий. Значительная часть тех результатов, которые творятся людьми в их незаметном повседневном труде, окажет влияние не только на современников, но и на жизнь грядущих поколений. Поэтому предвидение будущего, умение соотносить с ним свою деятельность в настоящем – это обязательное условие подлинно человеческого, осмысленного бытия.

В течение многих тысячелетий люди отработывали средства и методы проникновения в тайны будущего, искали способы приподнять завесу, отделяющую будущее от настоящего. *В ходе социокультурного развития сформировались два направления исследования будущего: ненаучное (интуитивное, обыденное и религиозное) и научное.* Критерием их различия является способность открывать закономерности в развитии природы и общества и на их основе делать достоверный вывод. Ненаучное предвидение, как правило, не стремится найти устойчивую закономерность и апеллирует к иррациональным сферам человеческого духа и бытия в целом. Интуитивное предвидение основано на

предчувствиях человека; обыденное – на житейском опыте и связанных с ним аналогиях, приметах и т. д.; религиозное предвидение, пророчество – на вере в сверхъестественные силы, якобы предопределяющие будущее, на суевериях и т. п.

Научное предвидение опирается на знание причинно-следственных зависимостей, детерминационных связей, а также умение экстраполировать сложившиеся тенденции социокультурного и социоприродного развития на будущее. Согласно идеям научной прогностики будущее – это далеко не все то, что порождает человеческая фантазия. Будущее тысячами нитей связано с настоящим и прошлым, и поэтому научное знание и социальное прогнозирование должны отвечать на вопросы: *что может произойти в будущем, какие формы это новое приобретет, когда его следует ожидать и какова мера достоверности данного прогноза*. Важно обратить внимание на то, что «прогнозировать и оценивать перспективы функционирования искусственного объекта без учета социогуманитарных факторов невозможно. То же относится и к природным процессам. Если мы говорим о них как об открытых системах, то нельзя игнорировать фактор человеческой деятельности, нуждающийся в изучении с позиций гуманитарных и социальных наук» [3, с. 67].

Прогнозирование есть не просто высказывание о будущем, а систематическое исследование перспектив развития того или иного явления или процесса с помощью средств современной науки. В отличие от прорицания, предвосхищения, пророчества, прогноз обладает высокой степенью обоснованности, научной доказательности, объективности. Так, метеорология может достаточно точно предсказать изменения погоды в определенный отрезок времени, а врач – описать ход той или иной болезни. *Принципиально важной характеристикой прогноза является его целостность*. Каждый прогноз строится на четко определенном теоретико-методологическом основании. Это означает, что нельзя набрать «привлекательных» свойств, смыслов и ценностей из разных цивилизаций, социальных систем и экономических укладов и назвать все это желаемым будущим или целью модернизации.

В западноевропейских странах и США получила бурное развитие специфическая отрасль знания о будущем – футурология. Футурология (от лат. *futurum* – будущее и греч. *logos* – слово, учение) призвана, используя различные методики, осуществлять разработку прогнозов, связанных с описанием конкретных форм, проектов и образов будущего, изучать тенденции развития отдельных стран и мира в целом. В широком значении слова футурология – это совокупность представлений о будущем человечества, в узком – область научных знаний, охватывающая тенденции и перспективы тех или иных социальных процессов. В отечествен-

ной литературе футурология часто употребляется как синоним прогнозирования и прогностики.

В современных западных странах исследование будущего играет все возрастающую роль при принятии важных экономических и политических решений, создании различных программ, моделей и сценариев развития как отдельных социальных явлений, так и общества в целом. И это понятно: по мере усложнения социальных связей, ускорения темпов общественного развития, усиления роли в жизни современных обществ государственного начала (планирования, программирования, попыток достижения чуть ли не полного контроля над человеческим поведением и социальными процессами) неизбежно возрастает и потребность в хорошо продуманной системе прогнозирования.

В качестве подтверждения этого тезиса рассмотрим опыт ведущих стран Запада и Востока, в которых научное прогнозирование стало необходимым элементом определения долгосрочной стратегии развития как отдельных корпораций, так и государства в целом. Так, многие решения в современном Китае принимаются на основе стратегического прогноза на 50 лет. В США создана целая сеть организаций, занимающихся стратегическим прогнозированием всех сфер общественной жизни. В частности, только *RAND Corporation* объединяет более 5 тыс. квалифицированных экспертов, многие из которых являются ведущими специалистами в своих областях [4, с. 105–106].

Разумеется, возможности науки в предвидении будущего ограничены и уменьшаются по мере удаления от настоящего. Поэтому для ответа на поставленные вопросы мы должны обладать четко определенной периодизацией будущего. В современной футурологии обычно выделяют непосредственное, обозримое и отдаленное будущее, критерием разграничения которых является мера определенности, достоверности их постижения. Чем дальше мы продвигаемся в будущее, тем менее надежными становятся наши прогнозы и предсказания. Эта возрастающая неопределенность коренится в самой природе социального развития, имманентно содержащей в себе принципы многовариантности, нелинейности, стохастичности. Исторический процесс является сложным сплавом объективного и субъективного, закономерного и случайного, обусловленного и стихийно-спонтанного. Поэтому по мере продвижения от этапа к этапу в периодизации будущего степень вероятности прогноза резко уменьшается.

В исследовании будущего применяется обширный и многообразный арсенал научных методов, специальных методик, логических и технических средств познания. Некоторые футурологи насчитывают около двухсот данных методов и методик. Однако основные методы прогнозирования сводятся к следующим пяти (остальные являются их

различными сочетаниями и вариациями): 1) *экстраполяция*; 2) *историческая аналогия*; 3) *компьютерное моделирование*; 4) *сценарии будущего*; 5) *экспертная оценка*.

Каждый из этих методов предвосхищения будущего имеет свои достоинства и недостатки. Точность *экстраполяции*, например, резко убывает по мере продвижения в будущее, которое никак не может быть простым количественным продолжением настоящего. Весьма ограничена применимость к предвидению будущего *исторической аналогии*, поскольку будущее человечества никак не может в своих основных чертах свестись к повторению прошлого. В каждую эпоху возникают новые обстоятельства, каждая эпоха имеет настолько индивидуальное состояние, что в это время люди действуют и принимают только такие решения, которые вытекают из этого определенного состояния. Столь же ограничены и возможности *компьютерного моделирования* в силу того, что творческое прогнозирование невозможно формализовать, представить в виде простой совокупности операций, выкладок и формул. Конечно, компьютерные и прочие информационные технологии используются в прогнозировании, но выполняют сугубо вспомогательные функции. У компьютеров нет воображения, интуиции, они не видят принципиально новых возможностей будущего развития. Да и было бы странно подменять человеческое творчество стандартными машинными операциями. Тем не менее наша техногенная цивилизация постоянно стремится к этому, убивая саму способность людей к творчеству. *Метод сценариев будущего* весьма популярен, так как открывает простор фантазии и воображению, но при этом он, к сожалению, имеет ярко выраженный субъективный характер. В этом ряду, пожалуй, наиболее надежный метод социального прогнозирования – *экспертная оценка* перспектив реального исторического процесса, однако при условии, что она опирается на обоснованные теоретические представления о нем, использует результаты, полученные с помощью других методов, и правильно интерпретирует эти результаты.

Кратко проанализируем специфику социального предвидения.

В социальном предвидении объективная детерминация явлений, на которую опирается всякое научное предвидение, выражается весьма специфично: в обществе действуют сознательные существа, ставящие перед собой определенные цели и стремящиеся к их осуществлению. Поэтому в общественной жизни историческая закономерность (необходимость) имеет не жесткий и однозначный характер, а статистически вероятностный, пробивая себе дорогу через массу случайностей, отклонений. Понятый таким образом социальный детерминизм по необходимости включает в себя понимание многозначности, вариативности буду-

щего, возможности человеческого влияния на него, требует учета субъективных устремлений людей. Короче говоря, прогнозируя будущее социальное бытие, нужно обязательно помнить получившую чуть ли не всеобщее признание мысль о том, что развитие общества не имеет окончательного предопределения, носит нелинейный характер, происходит в соответствии с принципом многовариантности. В этом развитии мало что можно точно предугадать, а тем более спроектировать: прогнозировать можно только с учетом столкновения и противоборства различных сил и тенденций.

Кроме того, во избежание крупных просчетов в процессе социального прогнозирования нужно иметь в виду и следующее: *выдвижение правильного прогноза предполагает учет и анализ не только материальных возможностей и предпосылок будущего жизнеустройства, но и всего того, что имеет отношение к области духовного, идеального*. Тот, кто стремится предвидеть будущие обстоятельства общественной жизни, не может избежать исследования духовного состояния общества и главным образом анализа глубинных мировоззренческих ориентиров и ценностных предпочтений, которые так или иначе выступают в качестве мотиваций и стимулов массовых действий людей по реализации тех или иных программ общественного развития. Учет самых различных ориентаций и предпочтений, всей духовно-ценностной мозаики – важное условие правильного прогноза. Это особенно верно применительно к переходным периодам, когда происходит распад и крушение традиционных ценностных норм и возникает обостренная потребность в обретении новых мировоззренческих и духовных координат. Можно определенно утверждать, что ни истинное понимание процессов, происходящих в нашей стране, ни надежное прогнозирование вероятного будущего просто невозможно, если мы не будем учитывать события в социуме, сдвиги и перемены в общественном сознании, обусловленные той или иной трансформацией смысловых ценностей и идеалов, потому что характер и направленность социальных изменений в существенной мере определяются именно духовным состоянием общества, перестройкой глубинных структур сознания, основных идей и общепризнанных идеалов. Надо иметь в виду, что реальное будущее складывается не только из того, что возникает и изменяется, но из того, что остается неизменным или изменяется мало. Идущие из глубины веков стереотипы поведения и нормы жизни, несмотря на все социальные катаклизмы и метаморфозы, имеют тенденцию к воспроизведению, как бы возвращению в исходное состояние: историческая инерция если и преодолима, то лишь в экстремальных ситуациях путем крайних чрезвычайных мер, насилия над интенсивной народной жизнью. Прежде всего это относится к инерции сознания, под воздей-

ствием которой сплошь и рядом воспроизводится в измененном облики старое содержание.

Понимание и учет указанных особенностей общественного развития диктуют необходимость разработки принципиально новой, противоположной господствующей долгие годы в Советском Союзе концепции социального проектирования и регулирования. Для последней, как известно, были характерны стремление к безальтернативному планированию будущего, постоянно воспроизводящиеся попытки предписать и указать, каким это будущее должно быть и в какие сроки достигнуто. На практике это означало стремление подчинить жизнь людей заранее заданной схеме, строить будущее на основе плана (подобно тому, как это бывает при строительстве домов, заводов и фабрик), лишить общество активно-творческой силы, которая делает его субъектом исторического процесса и обуславливает его способность к самоорганизации.

Следует всегда помнить, что общество не механизм, которым можно управлять извне, разбирать на составные части и снова собирать, а целостный организм, ни одну из частей которой нельзя без вреда для него произвольно устранить и заменить другой. Прежде чем что-либо в нем менять, необходимо «проиграть» на модели всевозможные последствия различных вариантов предполагаемого изменения. На постсоветском пространстве – к сожалению, и в недалеком прошлом, да и в наши дни – осуществляется социальное экспериментирование часто не на модели, а непосредственно на людях, на «живом теле» народа. Преодолению этой практики и призвана способствовать разработка новой динамической концепции общественных изменений в целом и социального прогнозирования и проектирования в частности. Представляется, что эта новая концепция должна создаваться на принципиально иной методологической основе. Ее теоретический инструментарий должен быть направлен на осознание общих перспектив и возможных альтернатив разумного выбора. Это означает, что на смену директивному планированию, волюнтаристическому крупномасштабному социальному экспериментированию должно прийти *мысленное экспериментирование вариативного, гибкого типа, которое будет осуществляться на основе наличных условий и реальных возможностей практики, органически вырастать из самой действительности, при «проигрывании» при этом всех имеющихся в ней тенденций и направлений дальнейшего развития.*

Подобный подход к будущему требует ясного понимания того, что не только неизбежно существует, но и (по мере усложнения общественной жизни, ускорения «ритмов истории») значительно расширяется зона непредвиденного, вероятностно-случайного, непредсказуемого. Это явно противоречит идее тотального прогнозирования, которое,

по сути, явилось отражением практики тотального руководства, когда отрицалась всякая зона вероятного и непредсказуемого, тем самым не принималась и какая бы то ни было индивидуальная самостоятельность, активность (запрограммированную активность нельзя считать действительно творческой). Вот почему подлинное раскрепощение общества предполагает преодоленную практику тотального прогнозирования и определение сфер, в которые прогностика не вправе вмешиваться, навязывая обществу свои проекты и модели, однозначно программируя будущее.

Сказанное не означает, что прогнозирование и социальное проектирование не играет никакой роли в регулировании общественных процессов. Речь, собственно, идет лишь о том, что на смену теории-предписанию, жестко-однозначному прогнозу должен прийти метод косвенного регулирования социальных процессов, когда каждое решение будет определяться ситуацией, а точнее, тем, что из этой ситуации можно извлечь на благо человечества.

Прогрессивно ориентированная прогностическая деятельность, включающая в себя понимание неоднозначности будущего, возможность влияния на это будущее непредсказуемого человеческого выбора и поступка, может оказать обновляющее положительное воздействие на социально-политическую практику. Авторитетный прогноз, опирающийся на современные представления о том, каким образом будущее возникает из настоящего, мог бы, например, послужить мощным духовным стимулом для конструктивно-созидательных социальных действий, способствовать консолидации людей, совместно творящих свое будущее.

Возможность такого рода воздействия прогноза на предполагаемые обстоятельства особенно усиливается в период духовного кризиса и переходные эпохи. В ситуации глубокого сомнения и социальной апатии возникают, может быть, наиболее благоприятные условия для всевозможного серьезного духовного воздействия и влияния: энергия открытости, готовности размышлять, слушать и слышать, чтобы преодолеть внутреннее духовное беспокойство и смуту, обладает наибольшей силой.

Все сказанное означает, что прогнозы не нейтральны к прогнозируемым обстоятельствам: формирование определенных образов будущего – специфичная, но весьма существенная форма проявления субъективного фактора истории. А это значит, что прогнозы, как и субъективный фактор истории в целом, все сильнее воздействуют на жизнь общества, социально-политическую практику, поступки и поведение людей. Прогноз, касающийся будущего социального субъекта (класса, группы и т. д.) и затрагивающий его интересы, так или иначе влияет на деятельность данного субъекта и тем самым на свое собственное осуществление. *Диалектика*

взаимосвязи настоящего и будущего здесь такова, что настоящее не только предопределено прошлым и обуславливает будущее, но и, в свою очередь, испытывает влияние со стороны будущего. То, что люди узнают об ожидаемом их будущем, неизбежно сказывается на их делах и поступках «здесь и сейчас», в сегодняшней жизни. Именно явные осознанные и скрытые бессознательные установки относительно будущего и определяют поведение человека сегодня. Представления о будущем – это один из способов воздействия на него, путь формирования этого будущего. Порождая в своем сознании образ будущего, мы как бы создаем первый вариант того, что должно реализоваться: точнее, описание будущего, содержащееся в социальных программах, побуждает человека либо активно стремиться к нему и тем самым содействовать его воплощению в жизнь, либо противодействовать его наступлению, либо пассивно ожидать его. Поэтому любой социальный прогноз содержит в себе и научно-познавательный смысл, и определенную идеологическую цель: «Удельный вес ментального фактора в комплексе причинных зависимостей исторически неуклонно возрастал, поэтому представленные выводы принципиальны и для оценки отдаленных перспектив. Следуя привычной методологии, глобалисты сосредотачиваются на экономических, демографических, экологических, энергетических расчетах, обычно недооценивая того, что ресурсная база кардинально зависит от развития творческого разума. Ключевой же детерминантой жизнеспособности планеты становятся процессы в сфере субъективной реальности» [5, с. 121].

Основными механизмами воздействия будущего на настоящее являются *самоорганизующиеся (самосбывающиеся) и саморазрушающиеся прогнозы*. Прогнозы, которые содействуют собственной реализации, обычно называют *самоорганизующимися прогнозами*. Хороший пример *самоорганизующегося прогноза* приводит американский исследователь М. К. Мертон, который полагает, что беспочвенные слухи (прогноз) об ожидающемся банкротстве способны вызвать биржевую панику, отток вкладов, падение курса ценных бумаг и в конце концов привести к тому самому банкротству, которое эти слухи предрекали. Пророчество краха, по словам Мертона, ведет к действительному осуществлению. К числу «самоорганизующихся прогнозов» можно отнести и медицинские предсказания. Благоприятный или неблагоприятный прогноз, сделанный врачом, став известным больному, может оказать решающее воздействие на исход болезни.

Прогнозы могут быть и *саморазрушающимися*. Когда в результате прогноза возникает нежелательная картина будущего, прилагаются усилия, чтобы этот прогноз не состоялся. В качестве подобного примера французский ученый А. Сови приводит демографические прогнозы 1930-х гг. о том, что

Франции угрожает исчезновение населения. Однако в силу ряда причин эти прогнозы не осуществились.

Прогноз меняет предполагаемую ситуацию, поэтому это воздействие следует учитывать в самом процессе предвидения, т. е. принимать во внимание воздействие предвидения как ситуацию, уже измененную предвидением, и так до бесконечности. В целом воздействие образов будущего на действительность может быть выявлено путем рассмотрения вопроса о взаимодействии настоящего и будущего в развитии человеческого общества, а также анализа обратной связи между тем или иным содержанием опережающего отражения и реальными общественными процессами. (Жизнь порождает прогноз, прогноз воздействует на жизнь.)

Иногда факт воздействия различных предсказаний, пророчеств, веры (в зависимости от того, какая форма опережающего отражения рассматривается) на настоящее называют «эффектом Эдипа» (по преданию, убийство Эдипом родного отца произошло в силу пророчества).

Прогностическая деятельность, таким образом, предполагает высокую степень *ответственности*: каждый раз необходимо достоверно выявлять уже распространенные в духовно-ценностном пространстве общества всевозможные проекты, своего рода модели желаемого будущего, созданные различными социальными слоями и группами.

Итак, образы будущего занимают исключительно важное место в структуре субъективного фактора истории, выступая мощным духовным стимулом массовых действий людей, фактором их причинной обусловленности и регуляции. И как теперь уже очевидно, *многих футурологов заботит не столько то, какое будущее на самом деле ожидает человечество, сколько стремление повлиять своими прогнозами на поведение людей в настоящем*. При этом одни пытаются привлечь людей образами уготованного для них будущего, а другие, напротив, – запугать их. В обоих случаях речь, однако, идет о том, чтобы навязать человеку образ такого будущего, о котором в самом прогнозе, может быть, даже умалчивается. В зависимости от поставленных целей фабрикуются прогнозы-сирены, заманивающие в «земной рай», или, наоборот, безжалостные прогнозы-камикадзе, убивающие в людях всякую надежду на лучшее будущее, чтобы заставить их примириться с настоящим.

Оказывается, веру в будущее можно эксплуатировать, ею можно также спекулировать, на ней можно «играть». Будущее, с какой бы стороны мы на него ни посмотрели, – это важнейшее измерение человеческой жизни. Во всяком случае, предвидение будущего не менее значимо для благополучия рода человеческого, чем ликвидация «белых пятен» непознанных страниц свершившейся истории.

Но прогнозы могут и должны выполнять совершенно иные функции. Подлинная, гуманистически оправданная задача прогноза состоит в том, чтобы показать варианты возможного развития личности и общества и пробудить творческую энергию людей ради достижения действительно высоких и благородных целей. Человек никогда не должен быть рабом обстоятельств или заранее запрограммированного будущего: по Ясперсу, человек сам должен участвовать в борьбе за будущее, создавать («конструировать») новые возможности, которых без него не было бы. Здесь уместно напомнить, что прошлое никогда плавно не перетекало в будущее – будущее, как и все живое, рождается в муках. Поэтому человеку необходимо отдавать себе отчет в том, что он не «пыль на ветру», а сам творец своей судьбы и истории. Если человек уклоняется от подобного творчества и борьбы за будущее, предоставляя внешним силам, нередко недобросовестным и нечистым на руку, возможность определять его будущее, то он обрекает себя на бессмысленное прозябание в той социальной реальности, которую создадут другие.

При этом размышления о судьбах мировой культуры, путях развития локальных цивилизаций и человечества в целом, глобальных перспективах и смысложизненных задачах всегда необходимо дополнять конкретными поступками, способствующими улучшению как собственной, так и общественной жизни. Несмотря на все трудности и испытания, философия позволяет человеку оставаться на позициях взвешенного оптимизма: будущее человечества не может быть безальтернативно плохим, и за сегодняшним кризисом цивилизации, если люди смогут мобилизоваться и не будут бездействовать, может наступить более светлая полоса. Перед лицом опаснейших глобальных проблем именно философия может дать человеку ничем незаменимую духовную поддержку. Широкие философские обобщения и верная методология помогают выявить в гуще ветвящихся дорог исторической эволюции те пути движения социума, которые открывают для человеческой цивилизации длительную историческую перспективу, ценностно-мировоззренческие ориентиры, содействуя избавлению им от духовной растерянности и страха перед будущим.

«Мы привыкли полагать себя хозяевами своего внутреннего мира, беспредельность которого ограничена жесткими “законами природы”. Но роковую роль в судьбе планетарной цивилизации способно сыграть как раз то, что “законы психологии” на поверку окажутся жестче, чем “законы физики”, а диапазон контроля над собственными импульсами и иррациональными мотивациями несоразмерен диапазону управляемости масс-энергетического мира. В таком случае разум изначально несет в себе программу самоуничтожения,

каковую на Земле до сих пор удавалось купировать».

А далее вырисовываются две возможные гипотезы. 1. Гуманитарная составляющая раньше или позже перестает компенсировать рост инструментального интеллекта, и по закону техно-гуманитарного баланса его носитель неизбежно уничтожает себя. 2. Универсальный естественный отбор, отбраковывая разбалансированные цивилизации, допускает космическую перспективу очень немногих из них (возможно – только одной), в которых успеет выкристаллизироваться сознание с активными, но не конфронтационными установками», – пишет известный российский философ А. П. Назаретян [5, с. 124].

Особенно остро нуждается в позитивных образах социального будущего молодежь. Дело не только в том, что именно ей придется их воплощать. Дело в том, что в силу присущего ей максимализма молодежь в лице многих ее представителей жаждет масштабных планов, вдохновляющих сценариев, необычайных свершений. Вряд ли для нее привлекательны перспективы просто «учиться, работать и зарабатывать» ради бытового обустройства и усредненного рода развлечений, поэтому иногда происходят драмы личностного и социального уровней, когда энергия поиска молодыми людьми точек приложения своих сил используется в разрушительных целях.

Итак, будущее таит в себе много неведомого. Оно всегда есть результат синергетического эффекта разнонаправленных сил и факторов: непредсказуемого социального выбора и поступка, проб и ошибок, случайного стечения обстоятельств, пересматриваемых и постоянно изменяемых решений и т. д. Сейчас можно определенно утверждать, что развитие социума нелинейно и гиперциклично, не подчинено действию каких-либо жестких и однозначных («непреложных») закономерностей. Обнаруживающие себя сегодня в тех или иных социальных сферах, системах или подсистемах детерминистские цепочки (связи детерминации) могут быть завтра неожиданно разорваны. Это происходит потому, что в динамике социума время от времени возникают кульминационные моменты, «взрывы». В момент последних законы и механизмы причинности отключаются, будущее становится открытым для новой линии развития, нового социального выбора и решения. Первоначально незаметные события и факторы могут привести к качественной перестройке системы, коренному изменению траектории ее движения. *Тем не менее мы допустим непростительную ошибку, если откажемся размышлять о будущем вообще, перестанем следить за сложным переплетением ветвящихся дорог общественной эволюции, потому что не думать о будущем состоянии нашего бытия означает стать жертвой разворачивающихся событий.*

Библиографические ссылки

1. Тоффлер Э. *Шок будущего*. Гуревич ПС, редактор; Руднева Е, Бурмистрова Л, Бурмистров К, Москвина-Тарханова И, Микиша А, Кулагина-Ярцева В и др., переводчики. Москва: АСТ; 2001. 557 с.
2. Татаркевич В. *О счастье и совершенствовании человека*. Коновалова АВ, переводчик. Москва: Прогресс; 1981. 368 с.
3. Асеева ИА, Пирожкова СВ. Прогностические подходы и этические основания техносциальной экспертизы. *Вопросы философии*. 2015;12:65–76.
4. Малинецкий Г, Каганов Ю. Россия в контексте мировой динамики: экибионический аспект. *Проблемы теории и практики управления*. 2005;2:105–112.
5. Назаретян АП. Психология в социальном прогнозировании: еще раз о причинных зависимостях. *Вопросы философии*. 2016;7:115–130.

References

1. Toffler A. *Shok budushchego* [Future Shock]. Gurevich PS, editor; Rudneva E, Burmistrova L, Burmistrov K, Moskvi-na-Tarkhanova I, Mikisha A, Kulagina-Yartseva V, et al., translators. Moscow: AST; 2001. 557 p. Russian.
2. Tatarkiewicz V. *O schast'e i sovershenstvovanii cheloveka* [About happiness and improvement of the person]. Konovalova AV, translator. Moscow: Progress; 1981. 368 p. Russian.
3. Aseeva IA, Pirozhkova SV. Prognostic approaches and ethical foundation of techno-social expert assessment. *Voprosy filosofii*. 2015;12:55–60. Russian.
4. Malinetskii G, Kaganov Yu. Russia in the context of global dynamics: eco-bionic aspect. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*. 2005;2:105–112. Russian.
5. Nazaretyan AP. Psychology in social forecasting: peering into the system causalities. *Voprosy filosofii*. 2016;7:115–130. Russian.

Статья поступила в редакцию 23.02.2019.
Received by editorial board 23.02.2019.